

Информация для цитирования:

Зубкова О. С. Реляционная природа эвфемизации : когнитивно-дискурсивный подход / О. С. Зубкова, С. А. Логвина // Научный диалог. — 2026. — Т. 15. — № 4. — С. 152—176. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-152-176.

Zubkova, O. S., Logvina, S. A. (2026). Relational Nature of Euphemization: A Cognitive-Discourse Approach. *Nauchnyi dialog*, 15 (4): 152-176. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-152-176. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Реляционная природа
эвфемизации:
когнитивно-
дискурсивный подход**

Зубкова Ольга Станиславовна
orcid.org/0000-0003-3900-321X
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры иностранных
языков
и профессиональной коммуникации
olgaz4@rambler.ru

Логвина Светлана Андреевна
orcid.org/0000-0003-4086-9707
кандидат педагогических наук,
докторант
кафедры иностранных языков
и профессиональной коммуникации,
корреспондирующий автор
svet.logvina@mail.ru

Курский
государственный университет
(Курск, Россия)

**Relational Nature
of Euphemization:
A Cognitive-Discourse
Approach**

Olga S. Zubkova
orcid.org/0000-0003-3900-321X
Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor, Department
of Foreign Languages and
Professional Communication
olgaz4@rambler.ru

Svetlana A. Logvina
orcid.org/0000-0003-4086-9707
PhD in Pedagogy, Doctoral degree seeker,
Department of Foreign Languages
and Professional Communication,
corresponding author
svet.logvina@mail.ru

Kursk State University
(Kursk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлена авторская реляционная модель эвфемизации как многоуровневого механизма смысловой регуляции, формируемого на пересечении когнитивных операций, прагматических установок и социокультурных норм. Модель включает пять уровней: контекстуальный, интенциональный, реляционный, семантический и дискурсивный. Введено различие между перлокутивным эффектом (на уровне эвфемистического выражения) и перлокутивным актом (на уровне эвфемистического текста и дискурса). Выделены ключевые когнитивно-прагматические механизмы: селективное внимание, прагматическая фильтрация, метапрагматическая и прогностическая оценка. Предложена типология реляционных векторов эвфемизации, отражающих стратегические установки (этические, регулятивные, институциональные, экономические, медицинские, образовательные и др.). В качестве материалов привлекаются современные примеры из повседневной, медиальной и институциональной коммуникации. Приводятся примеры эвфемизмов для понятий «безработный», «инвалид» и др. Подчеркивается, что эвфемизация, будучи реляционно организованной когнитивной процессуальностью, обеспечивает многоплановую настройку речевого поведения, направленную на формирование приемлемых траекторий интерпретации (реляционных векторов), смягчение социально чувствительных аспектов коммуникации и поддержание дискурсивного баланса.

Ключевые слова:

эвфемизация; реляционная природа эвфемизации; перлокутивный акт; когнитивная процессуальность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper presents an original relational model of euphemization as a multilevel mechanism for semantic regulation, shaped at the intersection of cognitive operations, pragmatic orientations, and sociocultural norms. The proposed framework comprises five levels: contextual, intentional, relational, semantic, and discursive. It distinguishes between perlocutionary effect (at the level of euphemistic expression) and perlocutionary act (at the level of euphemistic text and discourse). Key cognitive-pragmatic mechanisms are identified, including selective attention, pragmatic filtering, metapragmatic evaluation, and predictive assessment. A typology of relational vectors of euphemization is introduced to reflect strategic orientations such as ethical, regulatory, institutional, economic, medical, educational, etc. Modern examples from everyday, media, and institutional communication illustrate these concepts. Specific cases include euphemisms for terms like “unemployed” or “disabled.” The study emphasizes that euphemization, organized relationally within cognitive processes, configures multifaceted adjustments in speech behavior aimed at establishing acceptable interpretive trajectories (relational vectors), mitigating socially sensitive aspects of communication, and maintaining discursive balance.

Key words:

euphemization; relational nature of euphemization; perlocutionary act; cognitive processuality.

УДК 81'373.49

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-152-176

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Реляционная природа эвфемизации: когнитивно-дискурсивный подход

© Зубкова О. С., Логвина С. А., 2026

1. Введение = Introduction

В условиях усиления социокультурной чувствительности, повышения этической рефлексии и усложнения коммуникативных практик современного общества эвфемизация приобретает особую значимость как неотъемлемый элемент языковой адаптации и символического посредничества. Всё чаще она рассматривается не просто как локальный приём смягчения или замещения нежелательных выражений, а как полноценная форма метаязыковой рефлексии, связанной с осознанием границ приемлемого, регулированием интерпретации и управлением восприятием.

В этой парадигме эвфемизм становится индикатором не только нормативной языковой компетенции, но и когнитивной и прагматической компетенций носителя языка — его способности гибко ориентироваться между нормой, ожиданием и риском коммуникативной неудачи. Эвфемистические практики, таким образом, проявляют себя как формы стратегически мотивированного управления языковыми средствами, зависящего от множества факторов: от прагматической задачи и интенции говорящего до социокультурного контекста, уровня табуированности тематики, коммуникативного жанра и даже ожидаемой модальности восприятия со стороны адресата.

Такой подход открывает возможность интерпретировать эвфемизацию как механизм когнитивной саморегуляции, при котором язык перестаёт быть нейтральным каналом передачи информации и превращается в активный инструмент социального действия [Залевская, 2015], этической адаптации и концептуального моделирования действительности. С помощью эвфемизации субъект выстраивает границы допустимого, маркирует зоны чувствительности, сигнализирует о принадлежности к определённом коммуникативному сообществу и одновременно формирует устойчивые когнитивные схемы, в которых реальность не только отражается, но и конструируется заново — с учётом аксиологических, этических и социальных параметров.

2. Материал, методы, обзор = **Material, Methods, Review**

В конце XIX — начале XX веков эвфемизация рассматривалась преимущественно в рамках историко-лингвистического подхода как реакция на табу и средство замещения «запрещённых» слов «разрешёнными» [Kerbrat-Orecchioni, 2002; Horak, 2010 и др.]. Эвфемизация в этот период осмысливается как вынужденная языковая мера, обеспечивающая соблюдение социокультурных норм речевого поведения. Мы согласны с мнением В. П. Москвина и полагаем, что формирование непротиворечивой концепции эвфемии в методологическом пространстве современного филологического знания находится в стадии формирования: «Думается, понятие эвфемии нуждается в дальнейшем теоретическом осмыслении. По уточнении данного понятия окажется возможным составление реестра функций и способов эвфемистической номинации, который, на наш взгляд, до сих пор далек от исчерпывающей полноты» [Москвин, 2001, с. 58].

С развитием социолингвистики и прагматики эвфемизация приобретает более широкое толкование — как дискурсивно мотивированный процесс управления высказыванием. Современные исследователи указывают, что эвфемизация используется не только для соблюдения этикетных норм, но и для искажения, смягчения или переосмысления информации [Порохницкая, 2014, Порохницкая и др., 2023; Орлова, 2020].

На современном этапе исследования эвфемизации в центре внимания научных работ оказываются её механизмы, формы реализации и коммуникативные эффекты. Значительное внимание уделяется способам образования эвфемизмов как операциональной части процесса эвфемизации [Ковшова, 2019, Реброва, 2020; Хакимова, 2018], а также вопросам стилистической принадлежности языковых единиц, которые в определённых контекстах способны выполнять эвфемизирующую функцию [Киселева, 2015; Кузнецова, 2017]. Вводится и уточняется понятие эвфемистического потенциала как степени способности единицы участвовать в эвфемизации [Кутинова, 2019; Порохницкая, 2014].

В ряде исследований акцент смещается на прагматический и социокультурный аспекты эвфемизации [Ахматова, 2020; Пастухова, 2019; Цатурян, 2020]. Эвфемизация трактуется как процесс смысловой адаптации, направленный на регулирование уровня социальной приемлемости и эмоциональной окраски высказывания.

Также противопоставляются различные векторы эвфемизации: с одной стороны — как способа смягчения и поддержания бесконфликтной коммуникации [Голубкова, 1982; Шанский, 1978, Jamet et al., 2010], с другой — как потенциально агрессивного приёма, направленного на сокрытие или манипуляцию [Орлова, 2020; Mironina et al., 2023; Walker et al., 2021].

Подобное противопоставление подчёркивает амбивалентность эвфемизации и её стратегическую роль в речевом воздействии.

В актуальных когнитивно-дискурсивных подходах эвфемизация определяется как динамический процесс смыслового преобразования, реализующийся в зависимости от прагматических условий, интенций говорящего и реактивных ожиданий адресата. Разграничиваются понятия: эвфемизм — языковая единица, эвфемизация — процесс трансформации, эвфемия — стратегическая установка [Саакян, 2010; Зверева, 2017].

В этом контексте эвфемизация перестаёт быть сугубо лексико-стилистическим явлением: она приобретает статус интегративного когнитивно-дискурсивного механизма, связывающего языковую репрезентацию, ментальные сценарии и нормативные ожидания общества. Её анализ требует привлечения не только лингвистических, но и междисциплинарных инструментов — от когнитивной семантики и прагматики до социологии знания и этической философии языка. В нашем исследовании мы рассматриваем когнитивные способности как совокупность ментальных операций, обеспечивающих осознание, интерпретацию и целенаправленное использование языковых ресурсов в процессе коммуникативного взаимодействия. Именно такая когнитивная активность позволяет субъекту не только строить речевые высказывания, но и гибко адаптировать их к многоуровневым прагматическим условиям [Зубкова, 2014, с. 244], формируя образы, регулируя интерпретационные рамки и управляя перцептивным восприятием речи.

В контексте настоящего исследования данный аспект является обязательным элементом методологической базы, поскольку когнитивное моделирование коммуникативного баланса по своей природе предполагает включение сложных когнитивных механизмов: моделирование образа, соотнесение с нормативными установками, актуализацию эмоционально-прагматического компонента и формирование стратегий смыслового смягчения.

Таким образом, можно согласиться с тезисом о том, что эвфемизация представляет собой когнитивный механизм, лежащий в основе процессов осмысления, категоризации и репрезентации социальной действительности [Болдырев, 2018]. На уровне индивидуального сознания эвфемизация отражает когнитивную установку на переработку дискомфортной, стигматизированной или табуированной информации, преобразуя её в приемлемую, интерпретируемую и безопасную форму. Это перераспределение смыслов осуществляется через активацию ментальных моделей, фреймов и концептов, в которых речевая форма служит не просто знаком, а инструментом концептуального смягчения и социальной фильтрации. Таким образом, эвфемизация функционирует как интерфейс между языковой системой и когнитивным аппаратом индивида, обеспечивая не только коммуни-

кативную эффективность, но и когнитивный комфорт, защиту самооценки, соблюдение норм «лица» (по Гоффману, Браун и Левинсон) и соответствие социокультурным ожиданиям. В нашем понимании, эвфемизация как когнитивный механизм особенно актуальна в ситуациях речевого риска, неопределённости или конфликтной чувствительности, где выбор языковой формы становится отражением более глубоких ментальных стратегий регулирования социального взаимодействия.

Теоретической основой нашего исследования служат идеи когнитивной лингвистики, в рамках которых эвфемизм трактуется как репрезентант эвфемистического знания, объективирующийся в культурных фреймах и сценариях. Используемые методы включают концептуальный анализ, фреймовую семантику и реконструкцию когнитивных моделей. В данном исследовании прагматический подход применяется к анализу эвфемизации как речевой стратегии [Болдырев, 2018 с. 247], направленной на смягчение потенциально конфликтных или табуированных высказываний. Эвфемизация рассматривается как прагматически обусловленный процесс, реализующийся через косвенные иллокутивные акты, стратегии вежливости (*positive / negative politeness*), а также через перлокутивное влияние на адресата [Horak, 2010 и др.]. Она функционирует в рамках конвенционализированных сценариев обхода [Саакян, 2024], маскировки и риторического сглаживания, являясь инструментом формирования смысла.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Эвфемизация как акт осознанного языкового выбора

Опираясь на выводы, полученные в современной парадигме психолингвистики, мы понимаем осознанный языковой выбор как важнейший компонент речемыслительной деятельности, отражающий уровень когнитивного контроля, метаречевой осведомлённости и способности к саморегуляции в процессе коммуникации. В данном исследовании мы исходим из понимания языкового выбора как когнитивно мотивированного процесса, базирующегося на универсальном предметном коде, который обеспечивает интерпретационную целостность и когнитивную согласованность коммуникативного акта. В отличие от «автоматизированного» речевого поведения осознанный выбор лексических и синтаксических средств предполагает включение механизмов метаязыковой рефлексии, при которых субъект способен критически оценивать речевые единицы, предвидеть их перлокутивный эффект и адаптировать высказывание к ситуации. Эвфемизация, как правило, не происходит спонтанно: она представляет собой результат когнитивного и метаязыкового контроля, при котором говорящий осознаёт потенциальный эффект определённого выражения на адресата и, соотносясь

с актуальными коммуникативными условиями, сознательно выбирает менее маркированную, нейтральную или положительно окрашенную форму. Это свидетельствует о способности индивида к рефлексивному отстранению от обозначаемого объекта и прагматической оценке лексических единиц с точки зрения их социокультурной и эмоциональной релевантности.

Такая стратегия особенно ярко проявляется в тех случаях, когда речь идёт о социальной чувствительности или необходимости соблюдения норм политической корректности [Perez, 2024]. Так, например, замена номинации *инвалид* на *человек с ограниченными возможностями* иллюстрирует не только лексическую трансформацию, но и глубокий сдвиг в концептуализации объекта: от редуктивного обозначения через дефицит («неполноценность») к инклюзивной формуле, подчеркивающей достоинство личности и её права. Это не просто эвфемизм в традиционном понимании, а акт включения этических и социальных установок в языковое поведение, в том числе с опорой на международные правозащитные дискурсы.

Примером подобной метаязыковой стратегии может служить переход от прямой номинации *уборщица* к эвфемистической форме *технический ассистент по санитарии*. Здесь осуществляется не только лексическая трансформация, но и концептуальное переосмысление роли субъекта в социальной иерархии, что соответствует стремлению к снижению стигматизации и институциональному формированию новой лексической нормы. В сфере трудовых отношений выражение *уволен* нередко заменяется на *освобождён от должности*, *прекратил сотрудничество с компанией*, *перешёл к реализации новых карьерных задач* и т. п. В каждом из этих случаев говорящий не просто описывает ситуацию, но интерпретирует её, формируя перцептивный фокус адресата и задавая эмоционально допустимую рамку восприятия.

Таким образом, как нам представляется, эвфемизация в данном аспекте может рассматриваться как рефлексивная лингвистическая стратегия, демонстрирующая высокий уровень коммуникативной осознанности и готовности говорящего адаптировать речевые средства в соответствии с социальными ожиданиями, нормами этикета и идеологической конъюнктурой. Она служит важным индикатором социокультурной чувствительности и одновременно — инструментом концептуального управления в дискурсе.

3.2. Отражение нормы как механизм языковой саморегуляции

Эвфемизация представляет собой одну из ключевых форм языковой адаптации к системе общественных норм, охватывающей морально-этические, религиозные, идеологические и культурно-обусловленные табу. В данной функции эвфемизм (как результат эвфемизации) выступает не

только как средство вербального смягчения, но и как когнитивный механизм саморегуляции речевого поведения, обеспечивающий динамический баланс между потребностью в эксплицитном выражении смысла и необходимостью сохранить нормативную корректность, эмоциональное равновесие и социальную гармонию.

С точки зрения когнитивной лингвистики, эвфемизация активирует целый ряд ментальных операций, направленных на динамическую регуляцию речевого поведения в условиях социальной и этической чувствительности. По нашему мнению, среди них особую роль играют:

— *селективное внимание*, которое активизирует процессы избирательного восприятия и структурирования информации, в результате чего в ментальном лексиконе говорящего формируется акцентное или, напротив, фоновое представление компонентов содержания; в процессе речевого оформления это проявляется в смещении перцептивного фокуса: говорящий сознательно «подсвечивает» одни аспекты высказывания и «затеняет» другие, тем самым модулируя интерпретационные ожидания адресата и управляя степенью актуализации определённых концептов;

— *прагматическая фильтрация*, представляющая собой механизм предварительного отбора языковых средств с учётом их прагматической уместности и соответствия нормам социальной приемлемости; говорящий соотносит потенциальные формы выражения с актуальной коммуникативной ситуацией, социальной ролью участников и типом дискурсивного взаимодействия; на этом этапе активируются реляционные векторы между ментальной моделью объекта и внутренними критериями допустимости, формируя динамическую «решётку» фильтрации, которая определяет, какие элементы будут включены в речевую реализацию, а какие останутся имплицитными или будут трансформированы;

— *метапрагматическая оценка*, которая представляет собой регуляцию, направленную на контроль за соответствием высказывания нормам речевого этикета и коммуникативной культуры конкретного дискурсивного сообщения; на этом уровне активизируются механизмы самоконтроля говорящего, позволяющие соотнести стратегию оформления высказывания с ожидаемыми нормами вежливости, такта и коммуникативной гармонии; в данном контексте эвфемизация выполняет функцию поддержания социального равновесия в речевом акте и предотвращения потенциальной угрозы «лица» участников общения;

— *прогностическая оценка перлокутивного эффекта*, являющаяся одним из наиболее значимых компонентов эвфемизации в реляционной структуре данного феномена, что актуализирует обоснованное различие перлокутивного эффекта и перлокутивного акта.

Именно с перлокутивного эффекта фактически начинается регулятивная эвфемистическая стратегия. Несмотря на то, что сам эффект по своей природе является скорее краткосрочным, ситуативно обусловленным (например, немедленная реакция адресата — принятие, отторжение, снижение напряжённости), он выполняет иницилирующую функцию в формировании более устойчивого перлокутивного акта.

В отличие от мгновенного эффекта перлокутивный акт встраивается в структуру высказывания или текста и начинает определять организацию последующего дискурсивного пространства. Он проявляется в структурном и модальном выстраивании текста, задаёт допустимые рамки интерпретации и регулирует динамику смыслового развёртывания. Таким образом, эвфемистический акт не ограничивается выбором отдельной лексемы или локальной эвфемистической замены; напротив, он влияет на композицию высказывания в целом, формируя текстовую и дискурсивную стратегию, которая обеспечивает более устойчивую институциональную или социокультурную легитимизацию коммуникативного действия.

Именно в этом заключается различие между перлокутивным эффектом (краткосрочным, ситуативным) и перлокутивным актом (структурирующим, долговременным): первый может завершаться, например, успешным обходом конфликта или смягчением реакции аудитории на уровне лексемы или интонационной модальности, тогда как второй обеспечивает устойчивое вплетение эвфемистической стратегии в ткань высказывания или целого текста, закрепляя позицию говорящего и рамки допустимой интерпретации для аудитории.

Формирование такого перлокутивного акта напрямую связано с механизмами речевой саморегуляции. Она реализуется как форма речевого самонаблюдения (*self-monitoring*), в процессе которого говорящий выстраивает значение не как фиксированную семантическую сущность, а как контекстно обусловленную реляционную величину — то есть такую, смысл которой зависит от коммуникативной ситуации, социальных ролей участников, степени чувствительности темы и дискурсивной задачи. В этом отношении эвфемизм демонстрирует ярко выраженную реляционную природу эвфемизации, заключающуюся в способности модифицировать смысл в зависимости от типа взаимодействия между субъектом и объектом высказывания. Эвфемистическое выражение не существует в изоляции — его эвфемистический потенциал активируется лишь при наличии определённой интерпретативной рамки. Так, формула *вошёл в историю* может функционировать как эвфемизм в политическом дискурсе, маскируя отставку, поражение или скандал, тогда как в ином контексте она сохраняет буквальное, высокопатетическое значение. Выражение *санитарная операция*

в политическом дискурсе часто используется как эвфемизм, маскирующий определённые неприемлемые действия врага. Подобные формулы направлены на формирование положительных коннотаций, изымая из высказывания моральный и эмоциональный компонент. В санитарно-эпидемиологическом или биологическом контексте: может использоваться в прямом значении: например, *санитарная операция по уничтожению очага инфекции*. Это нейтральный термин, не несущий эвфемистической нагрузки. Данные примеры демонстрируют, что перлокутивный эффект носит краткосрочный и ситуативный характер и обычно реализуется на уровне отдельной лексемы или локального речевого выражения, которое позволяет достичь моментального смягчения или обхода конфликтного содержания.

В отличие от этого перлокутивный акт обладает структурирующей и долговременной природой: он формируется на уровне текста в целом или даже дискурса, определяя не только способы репрезентации содержания, но и общие рамки интерпретации, в которых выстраивается коммуникативное взаимодействие.

Таким образом, эвфемизация выступает здесь прежде всего как функция, которая может реализовываться либо локально — через отдельную лексему или выражение (создавая перлокутивный эффект), либо структурно — через композицию текста и дискурсивные практики (порождая перлокутивный акт с устойчивым влиянием на восприятие речи).

Подобная реляционная природа эвфемизации проявляется в ее способности формировать различные типы релятивных связей в ментальном лексиконе говорящего: между концептом объекта и коммуникативной установкой (эгоцентрическая модификация), между репрезентируемым содержанием и внутренними критериями допустимости (пороговая фильтрация), между образом объекта и его социальной категоризацией (иерархическая коррекция), а также между событием и его концептуально-ценностной интерпретацией (семантическая трансформация). Такая структура релятивных связей предполагает индивидуализированное восприятие референтного содержания речи и задаёт специфический формат когнитивно-прагматического взаимодействия между говорящим и слушающим. В процессе эвфемистической актуализации взаимодействие строится не на прямом соотношении лексемы и денотата, а на опосредованной интерпретации, зависящей от ментальных фильтров, когнитивных установок и коммуникативной чуткости участников речевого события. В каждом из этих случаев с помощью эвфемизации формируется уникальная структура отношений, подчинённая целям прагматической нейтрализации, социальной корректности и когнитивной гибкости.

Таким образом, эвфемизация как языковая саморегуляция — это не просто смягчение или цензурирование, а сложный когнитивно-реляцион-

ный механизм, посредством которого субъект речи конструирует семиотическую конфигурацию, соответствующую культурной нормативности и речевой этике. Эвфемизм в этом аспекте функционирует как динамическая единица, способная переопределять значения в зависимости от контекста, цели и дискурсивного давления, что делает его важнейшим инструментом когнитивной навигации в социально чувствительных областях коммуникации.

3.3. Метаязыковая функция как элемент социальной идентичности

Эвфемизация не только выполняет функцию смягчения речевого воздействия и регуляции коммуникации, но также играет значимую роль в формировании и артикуляции социальной идентичности говорящего. В данном аспекте эвфемизм проявляет себя как средство метаязыковой самоидентификации, посредством которого индивид или коллективное дискурсивное сообщество осознанно позиционирует себя в социокультурном пространстве. Использование определённых эвфемистических стратегий, структур и лексем выступает как символическая декларация принадлежности к той или иной группе — профессиональной, идеологической, гендерной, политической или культурной.

В корпоративной и HR-коммуникации выражения типа *временно приостановлено сотрудничество* вместо *уволен*, *позиция оптимизирована* вместо *рабочее место ликвидировано*, *перераспределение кадрового потенциала* вместо *сокращение штатов* указывают на принадлежность к формализованной, иерархически структурированной корпоративной культуре, в которой прямота речи замещается риторикой лояльности, гибкости и стратегического позиционирования.

В медицинском и академическом дискурсе эвфемистические выражения, такие как *репродуктивная дисфункция* вместо *бесплодие*, *дополнительные образовательные потребности* вместо *задержка развития*, сигнализируют об этически ориентированной модели общения. Говорящий таким образом демонстрирует принадлежность к научному, инклюзивному и гуманистически ориентированному дискурсу, где недопустима стигматизация.

Даже в повседневной коммуникации с помощью эвфемизации маркируются определённые социальные установки. Например, употребление выражений *немного своеобразный*, *пожилой гражданин*, *человек с опытом зависимости* вместо более прямых, но потенциально дискриминирующих терминов (*чужак или странный*, *старик*, *пьяница*) указывает на принадлежность говорящего к инклюзивному, социально чуткому типу речевой идентичности.

Таким образом, эвфемизация выступает как механизм актуализации культурных кодов и коммуникативной адаптации. Реализуемая через неё метаязыковая регуляция обеспечивает не только контроль над степенью эксплицитности высказывания, но и управление идентификационным кодом речи — речевые формулы становятся сигналом принадлежности говорящего к определённому типу дискурсивного поведения и к соответствующей культурной норме. В этом контексте эвфемизм может рассматриваться как маркер культурной осведомлённости и символического утверждения ценностей, разделяемых данным сообществом. В этом смысле эвфемизм становится не просто способом сказать «иначе», но и средством сказать «от имени» — от имени профессионального сообщества, института, идеологии, класса или культурной нормы. Это придаёт *эвфемизации* важный статус в рамках дискурсивной и социокультурной идентификации, делая её объектом не только лингвистического, но и антропологического анализа.

3.4. Формирование вторичных значений

Одним из наиболее значимых следствий рефлексии в контексте эвфемизации является запуск процессов семантической деривации и когнитивной перестройки фреймовой структуры высказывания. Эвфемизация в этом аспекте представляет собой не только средство смягчения или цензурирования, но и мощный инструмент переосмысления и переконструирования реалий посредством вторичной номинации. Через эвфемистический механизм происходят смещение исходных значений, их реконтекстуализация и интеграция в новые концептуальные рамки, что влечёт за собой формирование дополнительных семантических уровней и концептов.

Формально данный процесс можно описать как семантическую деривацию, в рамках которой из базового (прямого) значения развивается вторичное — периферийное, образное, либо стилистически нейтрализованное. Эта деривация опирается на ряд когнитивных операций, в том числе на метафоризацию, метонимию, обобщение, гиперонимизацию и концептуальную транспозицию. Например, в случае с номинацией *клининговый сотрудник* происходят последовательные трансформации:

уборщица (базовая денотативная номинация с возможной социальной стигмой) → *технический ассистент* (нейтрализующее определение, акцентирующее функцию, а не статус) → *специалист по гигиене окружающей среды* (концептуальная перестройка, включающая экологический и профессиональный дискурс).

На каждом этапе происходит не просто лексическое варьирование, но изменение концептуальной структуры: базовый концепт ОБСЛУЖИВАЮЩИЙ ПЕРСОНАЛ замещается фреймами «технический специалист»,

«экологический контроль», «гигиеническая безопасность» и др. Таким образом, эвфемизм функционирует как механизм когнитивного переноса, позволяющий говорящему переводить потенциально стигматизированный или социально чувствительный объект в альтернативный концептуальный мир, характеризующийся большей коммуникативной, этической и эмоциональной доступностью. В контексте теорий возможных миров (С. Крипке) и семантической истины (А. Тарский) эвфемизация может интерпретироваться как речевая операция, сопровождающаяся переносом высказывания из одного возможного мира — референциально точного, но социально дискомфортного — в другой, когнитивно допустимый и прагматически безопасный. При этом происходит преобразование истинностного статуса высказывания: оно сохраняет логико-семантическую правдоподобность, но встраивается в иную систему координат — не описания факта, а репрезентации допустимого смысла. Посредством лексической замены, оценочной переинтерпретации или концептуальной трансформации эвфемизм открывает доступ к таким мирам восприятия, где исходное содержание перестаёт быть угрозой для социального порядка, самооценки или этики взаимодействия и встраивается в нейтральные, нормативные или институционально легитимные модели интерпретации. В этом аспекте эвфемизация выступает не просто как языковая замена, а как когнитивно-прагматическая стратегия преобразования истины в рамках допустимого концептуального мира.

Таким образом, эвфемизация оказывает влияние не только на прагматический уровень высказывания, но и на более глубокие слои когнитивной репрезентации действительности. Участвуя в фреймовой перестройке восприятия, эвфемизм не просто заменяет знаки — он создаёт новые когнитивные рамки, в которых трансформируется интерпретация реальности. Эвфемизм может рассматриваться как «вербальный индикатор социокультурной рефлексии», особенно в публичном дискурсе, где он функционирует как механизм идеологической коррекции [Зубкова, 2014, с. 237]. Через эвфемистическую трансформацию формируются новые фреймтовые конфигурации, позволяющие социально чувствительным реалиям обрести иное концептуальное освещение. Это делает эвфемизм не просто средством языковой замены, но и мощным инструментом семантической динамики, выполняющим двойную функцию: управление значением и влияние на общественное восприятие и интерпретацию событий.

В данной работе эвфемизация рассматривается как форма вторичной номинации, способная не только нивелировать экспрессивную или стигматизирующую нагрузку, но и инициировать процессы концептуального обновления через создание новых интерпретационных рамок, соотнесённых с допустимыми мирами восприятия. Через эвфемистическую замену активизиру-

ются когнитивные сценарии, в которых исходная семантика модифицируется и вписывается в альтернативные концептуальные миры — такие, где высказывание становится приемлемым, этически допустимым и социально нейтральным. Таким образом, эвфемизация не просто пересоздаёт номинацию, а переносит значение в иную модальность восприятия, структурированную согласно культурным, идеологическим и коммуникативным ограничениям.

По нашему мнению, эвфемизация обеспечивает когнитивный перенос высказывания в иные модальности восприятия, где переопределяются реляции между субъектами, действиями и социальными ролями. В каждом таком мире функционирует иная реляционная структура, в которой происходит переподчинение положения вещей: статус, оценка и смысл объекта формируются не за счёт его сущностных характеристик, а в результате изменения его дискурсивных связей. Так, в одном мире индивид может выступать как *обслуживающий персонал*, а в эвфемистически перестроенном — *уже как борец за чистоту, технический ассистент по санитарии или специалист по гигиеническим процессам*. Реляция, то есть соотношение между объектом и системой координат (нормами, ролями, институциями), позволяет перекодировать социальное значение и, соответственно, модифицировать отношение к нему — от снижения иерархического статуса к нейтрализации или даже символическому возвышению. Именно этот реляционный сдвиг и делает эвфемизацию не просто заменой обозначения, а инструментом концептуальной и идеологической реконфигурации социальной реальности.

Подчеркнём, что при эвфемизации происходит конструирование нового концепта, в котором реляционные связи между говорящим, объектом и социальным знанием перенастраиваются в соответствии с нормой приемлемости и идеологической репрезентации. В результате создаётся новая интерпретационная перспектива, встраивающая высказывание в культурно допустимую и социально ожидаемую модель дискурсивного поведения.

Реляционный вектор представляет собой дискурсивно обусловленную перспективу репрезентации денотата, при которой смещение значения происходит не на уровне внутренней семантической трансформации, а за счёт изменения отношений между говорящим, объектом и типом дискурса. Один и тот же денотат может быть эвфемистически представлен по-разному в зависимости от институциональной принадлежности, ценностной доминанты или коммуникативной установки, что приводит к формированию альтернативной онтологической репрезентации, характерной для определённого «допустимого мира» (в терминах семантики возможных или когнитивных миров Тарского).

Такие реляционные векторы не сводятся к стилевому варьированию или экспрессивной окраске: они задают различные типы дискурсивной ре-

презентации одного и того же объекта, формируя разные когнитивные траектории концептуализации и интерпретации. Таким образом, эвфемизация становится частью «когнитивной политики» дискурса, направленной на перестройку отношений между субъектом речи и обозначаемым, не нарушая формальной истинностной структуры высказывания, но существенно модифицируя его интерпретационный потенциал. А эвфемизм в этом аспекте следует рассматривать не как простую языковую замену или акт смягчения, а как реляционную переориентацию взгляда на предмет, осуществляемую через институциональные, идеологические и прагматические фильтры восприятия. Для эмпирической иллюстрации были сопоставлены различные способы репрезентации социально чувствительного денотата — «инвалидность» — в рамках типологически отличающихся дискурсивных систем. Ниже приведены наиболее репрезентативные случаи эвфемизации, в которых различие коммуникативных задач и фреймов приводит к варьированию эвфемистических формул и реляционных направлений (табл.).

Очевидно, что во всех случаях денотативный компонент «инвалидность» — остаётся семантически постоянным, но в зависимости от дискурсивной рамки и институционального фрейма изменяется фокус (от диагноза к правам, от барьера к уникальности), а также сдвигается центр реляции: с «*физической недостаточности*» → к «*социальному включению*» или даже → к «*силе духа*».

В качестве примера рассмотрим также случаи эвфемизации понятия «безработный». Здесь имеет место варьирование в зависимости от дискурсивной среды, коммуникативной установки и реляционного вектора, определяющего выбор лексических средств и когнитивную структуру репрезентации. В официально-административном дискурсе доминирует нормативно-статистический вектор, где предпочтение отдается таким эвфемизмам, как *гражданин, временно не занятый в экономике* или *лицо, зарегистрированное в центре занятости*. Эти формулировки встроены во фрейм правового статуса и процедурной регистрации, а их коммуникативная цель — устранить эмоциональную окраску и представить безработицу как техническую категорию.

В социально-политическом и медийном дискурсах используется смягчающе-нейтрализующий вектор, при котором безработный обозначается как *соискатель работы, активный участник рынка труда* или *человек в поиске новых профессиональных возможностей*. Такая формулировка предполагает временность состояния, активность и субъектность индивида, тем самым устраняются коннотации пассивности, маргинальности или социальной неполноценности.

Таблица

Эвфемизмы к слову *инвалид*

Тип дискурса	Реляционный вектор	Эвфемизм	Фрейм	Коммуникативная цель
Медицинский	Клиническо-диагностический	<i>Лицо с функциональными нарушениями</i>	Диагноз, физиологическое состояние	Объективизация, избегание эмоциональных суждений
Социальный / правовой	Институционально-защитный	<i>Лицо с ограниченными возможностями</i>	Защищаемая категория, правовая субъектность	Нейтрализация стигмы, акцент на правах и доступе
Инклюзивный / педагогический	Эгалитарно-гуманистический	<i>Человек с особыми образовательными потребностями</i>	Индивидуализация, адаптивность	Признание разнообразия, социальное равенство
Политкорректный / публичный	Этически нормативный	<i>Представитель особой социальной группы</i>	Групповая идентичность, уважительная репрезентация	Поддержание публичной приемлемости, демонстрация уважения
Психологический / терапевтический	Эмпатийно-поддерживающий	<i>Человек, сталкивающийся с вызовами в повседневности</i>	Личностная борьба, агентность	Уход от маркирования, акцент на субъективном переживании
Корпоративный / HR-дискурс	Лояльно-функциональный	<i>Сотрудник с адаптационной спецификой</i>	Рабочая адаптация, инклюзия в трудовом коллективе	Уважение, ответственность политике diversity & inclusion
Художественный / медиа	Нарративно-социальный	<i>Необычный герой, человек с иной физической реальностью</i>	Идентичность, сюжетная уникальность	Эстетизация или нормализация инаковости через личную историю
Религиозный / гуманитарный	Экзистенциально-сострадательный	<i>Испытанный судьбой, наделённый особой миссией</i>	Судьба, преодоление, одухотворённость	Сакрализация страдания, придание позитивной смысловой нагрузки

В психологическом и коучинговом дискурсах проявляется мотивационно-ресурсный реляционный вектор, где используются эвфемизмы вроде *специалист в период профессионального переосмысления* или *человек на этапе карьерного перехода*. Такие конструкции формируют фрейм роста, трансформации и индивидуального выбора, перевода ситуацию безработицы из сферы дефицита в пространство возможностей.

В экономических и социологических исследованиях доминирует аналитически-объективирующий подход, где предпочтение отдается терминам типа *экономически неактивное население* или *лица, исключённые из формальной занятости*. Здесь наблюдается тенденция к деперсонализации и формализованному описанию безработицы как элемента системного анализа.

В художественном и культурном дискурсе возможны эвфемистические обозначения *временно не у дел*, *герой на перепутье* или *жизнь вне офисных стен*, что соответствует нарративно-сюжетному вектору, в рамках которого безработица интерпретируется как жизненный кризис, внутренняя борьба или условие метафорического обновления.

Таким образом, эвфемизация понятия *безработный* демонстрирует широкий спектр лингвистических и концептуальных стратегий, в основе которых лежит не только стремление к смягчению, но и когнитивная переориентация восприятия — от уязвимости к активности, от дефицита к потенциалу, от социальной стигмы к индивидуальному ресурсу.

Именно в этом проявляется работа реляционного вектора эвфемии: эвфемизм выступает не просто как форма вежливости или смягчения, а как механизм концептуального переключения позиции говорящего относительно объекта. Он позволяет переопределить отношение к денотату, изменяя не его сущностные характеристики, а контекстуальные связи и интерпретационные рамки, в которых он представлен. Смена фокуса репрезентации не является стилистическим украшением или формальной вариацией: она маркирует позицию говорящего за счет выбранного реляционного вектора, отражая его ценностные ориентиры, институциональную вовлечённость и коммуникативную стратегию. Заметим, что в таком ключе эвфемизация выполняет функции социальной навигации, когнитивной фильтрации дискурсивной легитимизации, позволяя удерживать высказывание в пределах допустимого и соответствующего нормам определённого социального мира.

Современные исследования в области когнитивной лингвистики и критического дискурса-анализа демонстрируют, что эвфемизация не только выполняет коммуникативно-прагматическую и этикетную функцию, но также может выступать как механизм концептуального контроля над интерпретацией социальной реальности. Посредством метаязыковой рефлекс-

сии говорящий адаптирует выражение к контексту, а также стратегически влияет на когнитивные схемы восприятия, переопределяя значения в соответствии с желаемым интерпретационным вектором.

В нашем понимании, эвфемизация в данном контексте функционирует как инструмент семиотической фильтрации. В этом случае референтный компонент не устраняется, а трансформируется в рамках альтернативного фрейма, который активизирует желательную интерпретацию события или объекта, подменяя исходную категоризацию — зачастую без явного вмешательства в фактологический уровень высказывания. Таким образом, речь идёт о вербальном управлении концептами, через которое осуществляется активное переформатирование социального знания. На уровне повседневного общения эвфемизмы выполняют функцию регуляции межличностной чувствительности и поддержания коммуникативного комфорта. Однако в масштабах публичного и институционального дискурса они приобретают характер когнитивной инженерии — перестройки коллективных концептов, в том числе через внедрение новых понятийных рамок (*психоэмоциональная нестабильность* вместо *агрессия*, *альтернативная версия событий* вместо *ложь*, *антикризисное управление* вместо *сокращения и увольнения*).

Таким образом, эвфемизация — это не просто способ избежать неудобной формулировки или смягчить высказывание, а механизм смыслового контроля, посредством которого осуществляется репрезентация мира, регулирующая не только речевое поведение, но и более глубинные когнитивные стратегии интерпретации действительности. Через эвфемистические процедуры язык не просто адаптируется к нормам социума — он активно обозначает границы допустимого, задаёт концептуальные параметры восприятия и структурирует интерпретацию в рамках определённой дискурсивной и ценностной системы координат. Посредством метаязыковой регуляции говорящий не просто варьирует форму выражения, но формирует у адресата когнитивную траекторию восприятия, в рамках которой обозначаемый объект или ситуация концептуализируются в приемлемой форме.

Кроме того, эвфемизация может функционировать как инструмент легитимации — средство представления изменений, решений или ситуаций в социально одобряемом свете. Таким образом, эвфемизация в контексте концептуального контроля представляет собой механизм концептуального формирования значения, при котором язык используется не только для обозначения, но и для трансформации интерпретационных схем. Это делает эвфемизм важным средством когнитивной регуляции и культурной навигации, обеспечивающим соответствие дискурса социальным ожиданиям, ценностям и коммуникативным нормам.

4. Заключение = Conclusions

На основании проведённого анализа можно утверждать, что эвфемизация представляет собой многоуровневый когнитивно-дискурсивный процесс, в основе которого лежит построение и актуализация релятивных связей между ментальными моделями носителя языка, социокультурными нормами и прагматическими условиями конкретного коммуникативного акта.

Эвфемизация формирует динамическое отношение между концептом объекта и коммуникативной установкой говорящего, обеспечивая гибкую настройку содержания в зависимости от ситуативных ожиданий и степени социальной чувствительности темы.

Эвфемистические процедуры опираются на взаимосвязь между репрезентируемым содержанием и внутренними критериями допустимости, что обуславливает индивидуализированное восприятие и производство эвфемистических форм. Реляционные векторы эвфемизации задают иерархическое соотнесение между образом объекта и его социальной категоризацией, позволяя изменять статусные интерпретации и культурные коннотации высказывания. Кроме того, эвфемизация способствует концептуальной трансформации событий и объектов, переводя их в новые рамки интерпретации, согласованные с актуальными ценностными ориентирами дискурсивного сообщества.

Таким образом, эвфемизация выступает как реляционно организованная когнитивная стратегия, обеспечивающая не только вариативность речевых форм, но и формирование приемлемых траекторий интерпретации, что, в свою очередь, способствует поддержанию коммуникативного баланса и символической согласованности в условиях социальной и этической чувствительности современного дискурса.

На основании выполненного анализа реляционной природы эвфемизации можно утверждать, что данный процесс активизирует целый комплекс ментальных операций, направленных на динамическую регуляцию речевого поведения в условиях социальной и этической чувствительности. Реляционные векторы эвфемизации не только формируют модальность речевого оформления, но и задают когнитивные траектории интерпретации, опосредуя взаимодействие между внутренними установками говорящего, социокультурными нормами и перцептивными ожиданиями адресата. В данном контексте ключевыми когнитивно-прагматическими механизмами реляционной эвфемизации являются:

- *селективное внимание*, обеспечивающее акцентное или фоновое представление компонентов содержания;
- *прагматическая фильтрация*, регулирующая допустимость языковых средств;

— *метапрагматическая оценка*, обеспечивающая контроль за соответствием высказывания нормам речевого этикета;

— и особенно значимая *прогностическая оценка*, которая охватывает как уровень перлокутивного эффекта, так и уровень перлокутивного акта; прогностическая оценка перлокутивного эффекта предполагает априорное моделирование мгновенной эмоциональной и когнитивной реакции адресата на отдельные лексемы и эвфемистические выражения; на этом уровне осуществляется прогноз непосредственного восприятия и интерпретации языковых единиц в рамках конкретного коммуникативного акта. Вместе с тем прогностическая оценка перлокутивного акта связана с более высоким уровнем — эвфемистического текста и дискурса — и направлена на моделирование пролонгированного, контекстуально опосредованного коммуникативного воздействия. Таким образом, прогностическая оценка представляет собой неотъемлемый компонент речевой саморегуляции, обеспечивающий упреждающее соотнесение коммуникативного действия с потенциальной реакцией адресата, нормами речевого поведения и контекстуальными ограничениями.

Однако для более глубокого понимания эвфемизации как сложного языкового механизма недостаточно анализа только когнитивного уровня. Эвфемистическое действие формируется и реализуется в системе социально ориентированных реляций, где значения, интенции и интерпретации определяются не только личными стратегиями говорящего, но и структурой коммуникативного взаимодействия в целом. Поэтому продуктивной представляется реализация реляционной модели эвфемизации, которая фокусируется на соотнесённости речевых решений с типом дискурса, ролевыми позициями участников и аксиологическим фоном высказывания. Именно в реляционном измерении эвфемизация раскрывается как динамически направленный процесс, встроенный в многомерную систему социальных, когнитивных и прагматических координат.

Реляционная модель описывает эвфемизацию как сложный когнитивно-дискурсивный процесс, в основе которого лежит не просто замена нежелательных слов, а динамически выстраиваемое речевое поведение, обусловленное системой отношений между участниками коммуникации, социокультурными нормами и типом дискурса. В рамках этой модели эвфемизация понимается как результат действия реляционного вектора — направленности речевого акта, определяемой коммуникативной интенцией, статусной асимметрией между говорящим и адресатом, а также прагматическим контекстом.

Модель включает несколько взаимосвязанных уровней. На контекстуальном уровне определяется социальная чувствительность обсуж-

даемой темы, её табуированность и дискурсивные ограничения. Интенциональный уровень связан с намерением говорящего — смягчить, замаскировать, обойти или переформулировать определённое содержание. На реляционном уровне осуществляется соотнесение коммуникативных ролей, степени социального напряжения и ожиданий адресата, в результате чего формируется тип эвфемистической направленности (например, институционально-защитной, эмпатийно-гуманистической, этически-регулятивной и др.). Семантический уровень отражает процессы концептуального переформления: активацию определённых культурных фреймов, смещение смыслов, трансформацию ассоциативного поля. Наконец, дискурсивный уровень определяет специфику речевой реализации в зависимости от жанра и коммуникативной среды — медицинской, юридической, образовательной, публично-политической и т. д.

Таким образом, реляционная модель эвфемизации позволяет представить эвфемизацию не как локальное лексическое явление, а как регулятивную языковую стратегию, направленную на управление восприятием, минимизацию коммуникативного риска и обеспечение социальной приемлемости высказывания. Она интегрирует когнитивные, прагматические и этические параметры речевого действия и демонстрирует, что эвфемистические конструкции являются продуктом сложного взаимодействия между личностной интенцией, институциональной нормой и культурно обусловленным способом концептуализации реальности.

Эвфемизация осуществляется не стихийно, а как результат осознанного прогнозирования, в котором речевое поведение соотносится с социальными ожиданиями, этическими нормами и коммуникативной целесообразностью. Анализ прогностического потенциала данного феномена как элемента методологии филологического знания связан с исследованием механизмов, функций и контекстуальных вариаций в различных социолингвистических контекстах.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Литература

1. *Ахматова Г. Х.* Структурный, семантический и прагматический аспекты эвфемизмов в политическом дискурсе современного немецкого языка : автореферат диссертации кандидата филологических наук : 10.02.04 / Г. Х. Ахматова. — Москва, 2020. — 22 с.

2. *Болдырев Н. Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н. Н. Болдырев. — Москва : Издательский ДомЯСК, 2018. — 480 с. — ISBN 978-5-6040760-9-5.

3. *Голубкова Е. В.* Номинативное варьирование как средство речевого этикета : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / Е. В. Голубкова. — Москва, 1982. — 288 с.

4. *Залевская А. А.* «Рефлексия» и «языковое сознание» : вопросы терминологии / А. А. Залевская // Вестник ТвГУ. Серия : Филология (4). — 2015. — С. 29—36.

5. *Зверева М. И.* Территория терминологического распутья вокруг понятия «Эвфемизм» / М. И. Зверева // Вестник ТГТУ. — 2017. — № 2 (48). — С. 75—81.

6. *Зубкова О. С.* Метафорическая категоризация пространства профессиональных языков как рефлексия характера восприятия / О. С. Зубкова // Когнитивные исследования языка. — Москва : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. — С. 237—245.

7. *Киселева С. А.* Функционирование эвфемизмов в современном английском военно-политическом дискурсе : структурно-семантический и прагматический аспекты : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / С. А. Киселева. — Москва, 2015. — 240 с.

8. *Ковшова М. Л.* Эвфемизмы и фразеологизмы : устойчивые структуры в аспекте эвфемизации / М. Л. Ковшова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Русская филология. — 2019. — № 4. — С. 35—48. — DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-35-48.

9. *Кузнецова Н. В.* Феномен политкорректности в современном политическом дискурсе : автореферат диссертации кандидата филологических наук : 10.02.19 / Н. В. Кузнецова. — Улан-Удэ, 2017. — 23 с.

10. *Кутинова Е. В.* Текстовый потенциал эвфемизмов (на материале германских языков) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / Е. В. Кутинова. — Мытищи, 2019. — 161 с.

11. *Москвин В. П.* Эвфемизмы : системные связи, функции и способы образования / В. П. Москвин // Вопросы языкознания. — 2001. — № 3. — С. 58-70.

12. *Орлова О. С.* Принцип непрямой номинации в загадках и эвфемизмах на тему рождения и смерти : автореферат диссертации кандидата филологических наук : 10.02.19 / О. С. Орлова. — Москва, 2020. — 22 с.

13. *Пастухова О. Д.* Коммуникативно-прагматические особенности эвфемизмов в политическом медиадискурсе (на материале английского и русского языков) : автореферат диссертации кандидата филологических наук : 10.02.20 / О. Д. Пастухова. — Челябинск, 2019. — 24 с.

14. *Порохницкая Л. В.* Концептуальные основания эвфемии в языке (на материале английского, французского, испанского и итальянского языков) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / Л. В. Порохницкая. — Москва, 2014. — 413 с.

15. *Порохницкая Л. В.* Концептуальные предпосылки реализации дисфемистического потенциала эвфемизмов (на материале комментариев в социальных сетях) / Л. В. Порохницкая, В. В. Самойлова // Когнитивные исследования языка. — 2023. — № 3—2 (54). — С. 179—182.

16. *Реброва Н. Е.* Лексикографический статус эвфемизмов как языковых средств репрезентации лингвокультурной информации : (на материале английского и немецкого

языков) : автореферат диссертации кандидата филологических наук : 10.02.19 / Н. Е. Реброва. — Ярославль, 2020. — 23 с.

17. Саакян Л. Н. Эвфемия как прагмалингвистическая категория в дискурсивной практике непрямого речевого убеждения : автореферат диссертации кандидата филологических наук : 10.02.19 / Л. Н. Саакян. — Москва, 2010. — 23 с.

18. Саакян Л. Н. Эвфемизм и эвфемия в фольклорных и сказочных текстах / Л. Н. Саакян // Русский язык за рубежом. — 2024. — № 4 (305). — С. 46—50. — DOI: 10.37632/PI.2024.305.

19. Хакимова М. М. Лексико-семантический анализ эвфемизмов в таджикском и английском языках : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / М. М. Хакимова. — Душанбе, 2018. — 169 с.

20. Цатурян М. А. Лингвопрагматика эвфемизации и дисфемизации англоязычного и русскоязычного политического дискурса : автореферат диссертации кандидата филологических наук : 10.02.19 / М. А. Цатурян. — Майкоп, 2020. — 24 с.

21. Шанский Н. М. В мире слов / Н. М. Шанский. — Москва : Просвещение, 1978. — 319 с.

23. Horak A. L'euphémisme. Entre tradition rhétorique et perspectives nouvelles / A. Horak. — München : Lincom Europa, 2010. — 110 p.

24. Jamet D. Empreintes de l'euphémisme — Tours et détours / D. Jamet, M. Jobert. — Paris : L'Harmattan, 2010. — 395 p.

22. Kerbrat-Orecchioni C. Euphémisme / C. Kerbrat-Orecchioni // Charaudeau, D., Maingueneau, D. (dirs.). Dictionnaire d'analyse du discours. — Paris : Éd. du Seuil, 2002. — Pp. 241-242.

25. Mironina A. Euphemism as a linguistic strategy of evasion in political media discourse/ A. Mironina, G. Porchesku // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. — 2023. — Volume 9. — № 2. — Pp. 65—72. — DOI: 10.18413/2313-8912-2023-9-2-0-1.

26. Perez C.-A. Euphemisms and Political Correctness / C.-A. Perez // Linguistic and Literary Broad Research and Innovation. — 2024. — Volume 13. — Issue 1. — Pp. 7—16.

27. Walker C. Controlling the narrative : Euphemistic language affects judgments of actions while avoiding perceptions of dishonesty/ C. Walker, M. Turpin, E. Meyers // Cognition. — 2021. — Volume 211. — Pp. 121—129. — DOI: 10.1016/j.cognition.2021.104633.

Статья поступила в редакцию 21.06.2025,
одобрена после рецензирования 27.12.2025,
подготовлена к публикации 30.04.2025.

References

- Akhmatova, G. H. (2020). *Structural, semantic and pragmatic aspects of euphemisms in the political discourse of the modern German language*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 22 p. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. (2018). *Language and knowledge system. Cognitive theory of language*. Moscow: Publishing House of RASK. 480 p. ISBN 978-5-6040760-9-5. (In Russ.).
- Golubkova, E. V. (1982). *Nominative variation as a means of speech etiquette*. PhD Diss. Moscow. 288 p. (In Russ.).
- Horak, A. (2010). *L'euphémisme. Entre tradition rhétorique et perspectives nouvelles*. München: Lincom Europa. 110 p. (In French).

- Jamet, D., Jobert, M. (2010). *Empreintes de l'euphémisme — Tours et détours*. Paris: L'Harmattan. 395 p. (In French).
- Kerbrat-Orecchioni, C. (2002). Euphémisme. In : Charaudeau D., Maingueneau D. (dirs.). *Dictionnaire d'analyse du discours*. Paris: Éd. du Seuil. 241-242. (In French).
- Khakimova, M. M. (2018). *Lexico-semantic analysis of euphemisms in Tajik and English*. PhD Diss. Dushanbe. 169 p. (In Russ.).
- Kiseleva, S. A. (2015). *Functioning of euphemisms in modern English military-political discourse: structural, semantic and pragmatic aspects*. PhD Diss. Moscow. 240 p. (In Russ.).
- Kovshova, M. L. (2019). Euphemisms and phraseological units: stable structures in the aspect of euphemization. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*, 4: 35—48. DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-35-48. (In Russ.).
- Kutinova, E. V. (2019). *The textual potential of euphemisms (based on the material of Germanic languages)*. PhD Diss. Mytishchi. 161 p. (In Russ.).
- Kuznetsova, N. V. (2017). *The phenomenon of political correctness in modern political discourse*. Author's abstract of PhD Diss. Ulan-Ude. 23 p. (In Russ.).
- Mironina, A., Porchesku, G. (2023). Euphemism as a linguistic strategy of evasion in political media discourse. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 9 (2): 65—72. DOI: 10.18413/2313-8912-2023-9-2-0-1.
- Moskvin, V. P. (2001). Euphemisms: system connections, functions and methods of education. *Voprosy Jazykoznanija*, 3: 58-70. (In Russ.).
- Orlova, O. S. (2020). *The principle of indirect nomination in riddles and euphemisms on the topic of birth and death*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 22 p. (In Russ.).
- Pastukhova, O. D. (2019). *Communicative and pragmatic features of euphemisms in political media discourse (based on the material of English and Russian languages)*. Author's abstract of PhD Diss. Chelyabinsk. 24 p. (In Russ.).
- Perez C.-Augusto. (2024). Euphemisms and Political Correctness. *Linguistic and Literary Broad Research and Innovation*, 13 (1): 7—16.
- Porokhnitskaya, L. V. (2014). *Conceptual foundations of euphemism in language (based on the material of English, French, Spanish and Italian)*. PhD Diss. Moscow. 420 p. (In Russ.).
- Porokhnitskaya, L. V., Samoilova, V. V. (2023). Conceptual prerequisites for realizing the dysphemistic potential of euphemisms (based on comments on social networks). *Cognitive studies of language*, 3—2 (54): 179—182. (In Russ.).
- Rebrova, N. E. (2020). *Lexicographic status of euphemisms as linguistic means of representing linguistic and cultural information: (based on the material of English and German languages)*. Author's abstract of PhD Diss. Yaroslavl. 23 p. (In Russ.).
- Saakyan, L. N. (2010). *Euphemism as a pragmalinguistic category in the discursive practice of indirect speech persuasion*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 23 p. (In Russ.).
- Saakyan, L. N. (2024). Euphemism and euphemism in folklore and fairy-tale texts. *Russkii iazyk za rubezhom*, 4 (305): 46—50. DOI: 10.37632/PI.2024.305.4.008. (In Russ.).
- Shansky, N. M. (1978). *In the world of words*. Moscow: Prosveshchenie Publ. 319 p. (In Russ.).
- Tsaturyan, M. A. (2020). *Linguopragmatics of euphemization and dysphemization of English and Russian-language political discourse*. Author's abstract of PhD Diss. Maikop. 24 p. (In Russ.).
- Walker, C., Turpin, M., Meyers, E. (2021). Controlling the narrative: Euphemistic language affects judgments of actions while avoiding perceptions of dishonesty. *Cognition*, 211: 121—129. DOI: 10.1016/j.cognition.2021.104633.

- Zalevskaya, A. A. (2015). “Reflection” and “linguistic consciousness”: issues of terminology. *TvSU Bulletin. Series: Philology (4)*. 29—36. (In Russ.).
- Zubkova, O. S. (2014). Metaphorical categorization of the space of professional languages as a reflection of the nature of perception. In: *Cognitive studies of language*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Tambov: Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin. 237—245. (In Russ.).
- Zvereva, M. I. (2017). The territory of the terminological crossroads around the concept of “Euphemism”. *Bulletin of the TGGPU*, 2 (48): 75—81. (In Russ.).

*The article was submitted 21.06.2025;
approved after reviewing 27.12.2025;
accepted for publication 30.04.2026.*